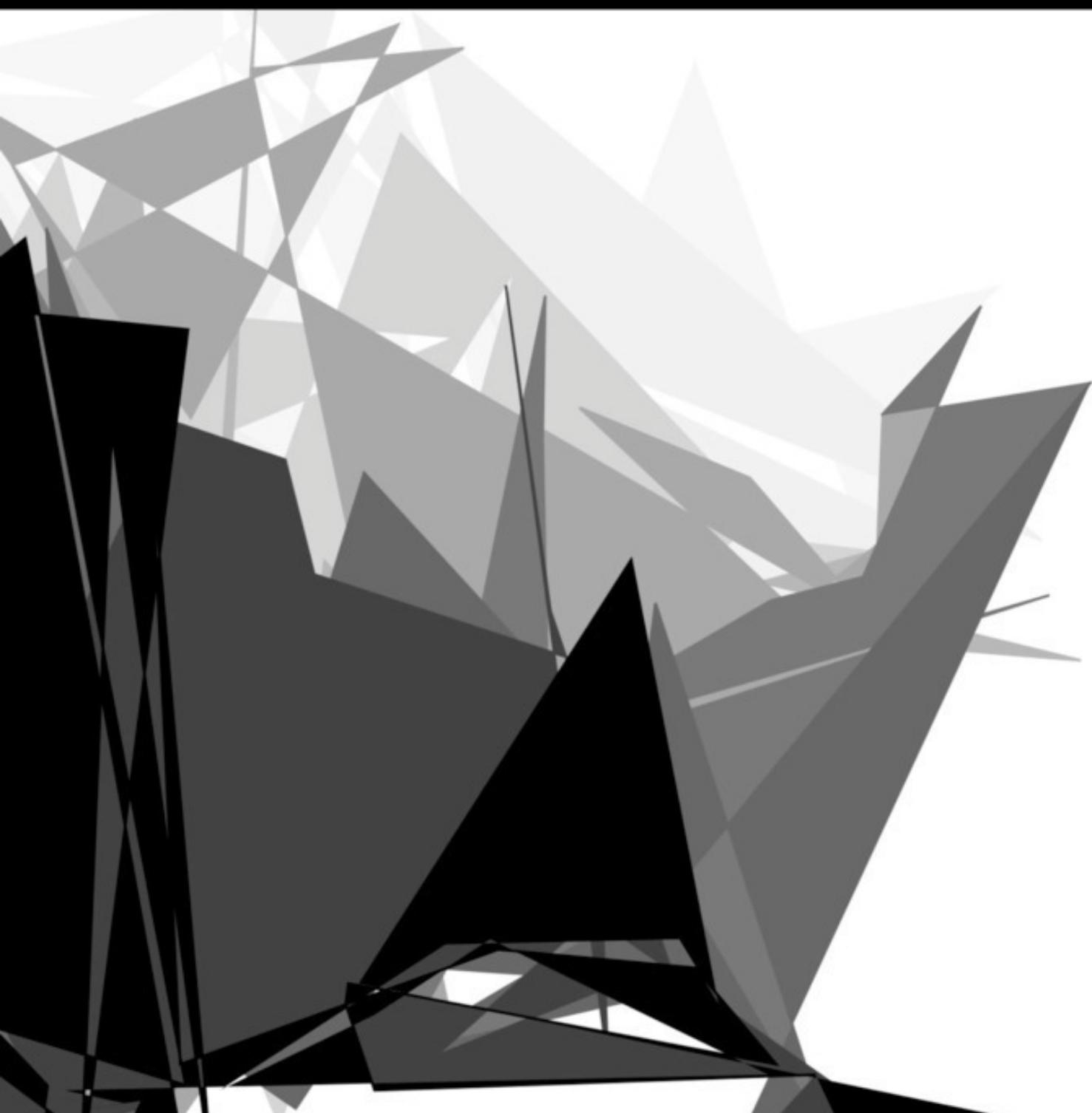

АЛЕКС БРУТ

БЕСПОРЯДОК

Алекс Брут
Беспорядок

«Издательские решения»

Брут А.

Беспорядок / А. Брут — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965912-5

Основная мысль произведений Брута выражается в короткой фразе: «Смотри, это зеркало». В сборник собраны избранные тексты, написанные в период 2015—2019 гг. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-965912-5

© Брут А.
© Издательские решения

Содержание

СТИХИ	7
«После всех услышанных мной историй...»	7
«Весна ввалилась мокрым снегопадом...»	8
«В июле, приехав в Питер...»	9
«Какая глупость думать о весне...»	10
«Беспокойство заворчалось в груди...»	11
«Если темные времена...»	12
«Я бы мог переплыть сто морей...»	13
«Отец вернется пьяный, закричит...»	14
«Я усталый путник. Я – бродяга...»	15
«Подарите друзьям мандарины...»	16
«Зима свернулась у порога белым псом...»	17
«В тесной комнате снова душно...»	18
«По ночным дорогам едет...»	19
«Так пуля говорит бойцу: «Люблю!...»	20
Осенний триптих	21
«Подожла неожиданно с тыла...»	23
«За окном закричали на резком наречье...»	24
В. Н.	25
«Пишет письма из многоточий...»	26
«Дорисуешь в альбом скетч...»	27
«Пришел и сказал: «Возьми...»	28
«То ли жара...»	29
«Двери открыты, но нет никого, кто придет...»	30
«Тоска по счастью навалилась в темноте...»	31
«Параллельным прямым на плоскости...»	32
«Я выдумал небо...»	33
«Вокруг темнели и поблёскивали лужи...»	34
«Говорит человек без имени...»	35
«Расскажи мне о том, что точно...»	36
«Смеркалось. Загорались фонари...»	37
Если бы Бродский сидел на диете во время написания	38
«Не выходи из комнаты»	
«Когда закончил бесноваться день...»	39
«В голове бардак, но вокруг не чище...»	40
«Мы гадаем на спичках кому сторожить темноту...»	41
«Растрянный, разбитый и больной...»	42
Портрет провинции	43
«Это имя тебе идёт...»	44
«Машины в пробке жмутся в правый ряд...»	45
«Все, что сказано в страсти, – дели на два...»	46
«Я надену пальто и выйду...»	47
«Одиночество соткано из мелочей...»	48
«Все, что помнится Маше из детства, ...»	49
«Говорить бы с тобой о любви...»	50
«Появляясь из темноты...»	51

«Забери меня отсюда...»	52
«Я входил в квартиры незванным гостем...»	53
«Новый Год – необычный праздник...»	54
Предновогодний разговор.	55
«Стартуют сезоны скидок...»	56
«Невозможность того, что случилось вчера...»	57
«Это было хорошее время...»	58
«В сером городе жил человек...»	59
«Я обещаю ничего не обещать...»	60
«Вот вам картина мира...»	61
«Бесперебойно газеты пишут...»	62
«Ветер, словно для инстаграма...»	63
«Яркий свет фонаря в лицо...»	64
«Когда он упал на гранит мостовой ...»	65
«Плеер крутит всего лишь два трека...»	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Беспорядок

Алекс Брут

© Алекс Брут, 2019

ISBN 978-5-4496-5912-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТИХИ

«После всех услышанных мной историй...»

После всех услышанных мной историй
я пишу свою – в ней старик и море,
в ней подбитый летчик ползет по снегу,
в ней гонец погибнет в конце забега.
Мне так мало слов для бурлящих мыслей.
Соль рассыпана и молоко прокисло —
всех примет не счесть, что несут дурное.
Если верить в них, то к чему иное
пониманье мира? Зачем надежда
человеку, что подбирал одежду
всех оттенков долгой полярной ночи?
Я учусь любить, но пока не очень.
Я учусь искать в своем сердце веру,
отличать массив от простой фанеры.
Мой норвежский лес догорит к рассвету.
Под ключицей боль, но пройдет и это.

«Весна ввалилась мокрым снегопадом...»

Весна ввалилась мокрым снегопадом
в исполосованный ветрами город N.
И горожане были этому не рады,
ведь так хотелось от погоды перемен.
Я шел домой пешком от остановки,
курил в рукав и зарывался в капюшон.
В сугробах вяз, на льду скользил неловко —
и в целом, был достаточно смешон.
Происходящее описывало точно
все то, что было,
есть,
произойдет потом.
Я аккуратно лег,
чтобы проверить прочность
Земли.
И стал ловить большие хлопья снега ртом.

«В июле, приехав в Питер...»

В июле, приехав в Питер,
исполнив большую мечту,
среди бесконечных литер
блуждаешь. На каждом мосту
ты делаешь сотни фоток.
На Думской заходишь в бар,
кидаешь на стойку банкноты
и думаешь: «Город стар,
а я молода и красива.
Весь мир на ладони лежит.»
А после рассвет на заливе,
и рядом с тобой ни души.
Ты ищешь квартиру в центре,
работу возле метро.
И вскоре ты бармен-эксцентрик,
что пьет в коммуналке ром
с поэтами, обсуждая,
что солнце здесь только во сне.
И время стрелой пролетает,
и выпал вчера первый снег.

Зимой ненавидишь Питер —
тут слякоть куда не ступи.
Ты шепчешь
 в свой вязаный свитер,
уткнувшись: терпи... терпи...

«Какая глупость думать о весне...»

Какая глупость думать о весне,
когда сугробы обнимают грязный лед.
Нет ничего опасней и страшней,
чем оптимизм, рожденный из хлопот,
из незначительных для дела недостатч,
дедлайнов с красной меткой «сделать до»
у менеджера маленьких задач,
узнавшего про принцип бусидо.
И вот уже колеблется, дрожит
спокойствие услышавшего стук
судьбы. Ровня нервно этажи,
многоэтажки высятся вокруг,
как часовые колкой теплоты.
Их командир – ссутулившийся клен.
На улице царит зима, а ты
почти исчислен, взвешен, разделен.

«Беспокойство заворочалось в груди...»

Беспокойство заворочалось в груди.
Непонятно, уезжать или остаться,
и становится все толще личный панцирь
от предчувствия разлуки впереди.
У меня, похоже, снова дежавю,
словно чей-то голос просит обернуться,
словно сердце тяжелей на десять унций
и святые скалятся с гравюр.
И неважно, на какой теперь вокзал
и какие дальше остановки.
Я в поэзии обычный полукровка —
ничего по сути не сказал.
Но она дала мне календарь,
обвела незначимую дату
и сказала: приходи обратно
в феврале. Ты должен мне январь.

«Если темные времена...»

Если темные времена,
в небо черным столбом дым;
если видишь дурной знак
в том, что чувствуешь мир иным;
если некуда поутру
мимо белых прозрачных штор;
если нет на плечах рук,
отводящих седой шторм;
Если все пропитала гарь,
привела за собой беду.
Зажигай по ночам фонарь,
я увижу его. Я приду.

«Я бы мог переплыть сто морей...»

Я бы мог переплыть сто морей,
покорить два десятка вершин.
Я бы мог заходить на заре
победителем с войском большим
в города, поднимая флаг,
объявляя – войне конец.
Я бы мог разгонять мрак,
проповедуя сотням сердец.
Я б разрушил пару легенд,
мимоходом создав еще три.
Я бы мог выживать в тайге
или вспять повернуть Гольфстрим.
Мог бы выиграть важный турнир,
забивая в нем главный гол.
Я бы мог опрокинуть мир,
если только бы знал для кого.

«Отец вернется пьяный, закричит...»

Отец вернется пьяный, закричит.
Мать зарыдает, он слетит с катушек.
Она испуганно поднимет хрупкий щит
своих ладоней. Ты закроешь уши,
чтобы не слышать звук ударов за стеной
и крики боли в нарастающем абсурде,
чтобы запомнить навсегда рефрен простой:
«Со мной такого никогда не будет».

Сменив тринадцать раз календари,
ты понимаешь, что река вернулась в русло.
Твоя квартира, как боксерский ринг, —
второй нокдаун, лампа светит тускло.
А утром ты молчишь, как мать, точь-в-точь,
и врешь врачу, но он тебя не судит.
В соседней комнате беззвучно плачет дочь:
«Со мной такого никогда не будет».

«Я усталый путник. Я – бродяга...»

Я усталый путник. Я – бродяга
на шоссе в разбитых старых кедах.
У меня почти пустая фляга
и в помятой пачке сигареты.
Я иду от прошлого на север,
в сторону конечного начала,
где поставит кто-то жизнь на реверс.
Повстречай меня таким усталым.

Вот твой дом, вот свет горит в оконце.
Ты не спишь конечно этой ночью,
ждешь, когда восток согреет солнце,
проверяешь темноту на прочность.
У тебя неясная тревога —
будет ли еще рассвет хорошим?
Я прошу сейчас совсем немного:
Приюти меня таким замерзшим.

Открываешь двери, ставишь чайник,
говоришь неспешно о неважном,
словно я здесь первый неслучайный
в суете пластмассово-бумажной.
За окном гудит полночный скорый,
обрывая наши диалоги.
Я уеду утром в новый город,
полюби меня таким недолгим.

«Подарите друзьям мандарины...»

Подарите друзьям мандарины
в эту ветрено-злую погоду.
Принесите без слов, без причины,
как предвестники Нового года.
Подарите им счастье из детства,
ожидание чуда в рутине.
От хандры безотказное средство
подарите в простом мандарине.

И они, улыбнувшись: «Как кстати
это солнце в прозрачном пакете!»,
будут вечером есть их в кровати,
чтоб во сне улыбаться, как дети.

«Зима свернулась у порога белым псом...»

Зима свернулась у порога белым псом
и заскулила на янтарь луны чуть слышно.
Пока вороны пересчитывают крыши,
ночь снова кажется разбавленным вином.

От холода дома бросает в дрожь,
к ним тянут ветви голые берёзы,
чтобы хоть как-то пережить морозы,
но их объятья обрезают ветра нож.

А мы в постели, в комнате тепло.
Ты спишь, а я опять овец считаю.
Меня достала арифметика простая.
[здесь вычеркнуто пять обценных слов]

Бессонница, безжалостная дрянь,
зачем ты хороводишь мои мысли,
перебираешь разговоры, даты, числа?
Я помню все. Пожалуйста, отстань.

«В тесной комнате снова душно...»

В тесной комнате снова душно,
В коридорах опять накурено.
Постоянно хочется в душ, но
даже он воду льет нахмуренно.
Распускает невымытые руки
после рюмочки ритуальной
алкоголик-сосед от скуки
с отвратительной шуткой сальной.
А соседка скалится гнусно —
невозможная баба скандальная.
Как вампир, выпивает чувства
беспросветная жизнь коммунальная.
Ты рвалась в чёрно-серый Питер,
от провинции, предрешенности.
Ты стремилась к другой орбите.
Мегаполис не принял влюбленности.

И теперь каждый вечер – вечность.
Ты выходишь на мерзлые улицы,
ищешь в строгих домах человечность,
чтобы жить здесь и не сутулиться.

«По ночным дорогам едет...»

По ночным дорогам едет
 заблудившийся троллейбус.
Ищет свой маршрут и номер,
 ищет где его депо.
И на каждом перекрестке
 он разгадывает ребус
желтоглазых светофоров
 и вступает с ними в спор.
Этот маленький троллейбус
 угрожает им рогами,
говорит, что вправе ехать
 вниз по улице пустой.
Я стою на тротуаре,
 у меня дыра в кармане,
у меня из планов – осень.
 Забери меня с собой.
Старый маленький троллейбус,
 сделай рядом остановку,
отвори со скрипом двери —
 я поеду в никуда.
Мне билет совсем не нужен,
 чтобы сзади сесть неловко,
чтоб всю ночь смотреть на звёзды,
 огоньки и провода.
Но троллейбус едет мимо
 и мигает фонарями:
«Извини меня, приятель,
 нам с тобой не по пути».
Я в ответ смотрю с улыбкой,
 не кляню его чертями.
Он ведь прав, свою дорогу
нужно самому найти.

«Так пуля говорит бойцу: «Люблю!..»

Так пуля говорит бойцу: «Люблю!»
и горячо целует под лопатку.
Так сочиняют самый грустный блюз.
Так восхищаются величием упадка
и превозносят декаданс во всем —
в архитектуре, в музыке, в одежде.
Так капитаны остаются с кораблем,
который обречен в морях безбрежных.
Так уезжают раз и навсегда
от нелюбимых —
с равнодушием во взгляде,
перечеркнув напрасные года
в потрепанной линованной тетради.
Так остаешься в комнате один
под тусклым и невыносимо желтым светом.
И поглощаешь едкий никотин
без планов, без идей и без ответов.

Осенний триптих

I

Я лежал в траве, на восточном склоне,
наблюдал, как птицы в крикливом тоне
обвиняют солнце, что меньше греет;
а оно молчит, потому мудрее.
Я не слушал птиц и не слушал ветер,
никого не ждал, не мечтал о лете,
не хотел взлететь, не пытался ползать —
замерзал в траве в неудобных позах.
Я лежал один, но при том в обнимку
с Сентябрем, принесшим в кармане льдинку.
И казалось, год без любви – чуть больше
чем могу принять. Я лежал оглохший.

II

Октябрь начался с ненужных слов,
на семьдесят процентов непечатных.
Я пьяно спорил, и меня уже несло
течение. В руке был невозвратный
билет на рейс «Родные люди – Чужаки».
И я летел без пересадок до конечной,
сжимая от бессилия кулаки,
но улыбаясь всем попутчикам и встречным.
Мы отдалялись, мы спускались в ад
со скоростью слепой секундной стрелки,
наощупь обыскавшей циферблат,
в тот день, когда большое стало мелким

III

Она снимает кардиган, садится рядом
на край кровати. В комнате темно.
Рукой дрожащей достаёт помаду
и красит губы, как в немом кино.
Потом идёт на кухню, ставит чайник,
гремит посудой, чем-то там стучит
и чертыхается вполголоса, случайно
облившись кипятком. Опять молчит.
Потом приносит чай в тяжёлых кружках,
с негромким стуком ставит их на стол,
как извинение за смятые подушки,
за простыни, за пошленький глагол,
которым можно описать ошибку,
предательство, неверие. Но я

пока молчу и равновесие так зыбко.
Полшага влево – и закончится ноябрь.

В итоге, все поменяется.
Охотником станет жертва;
началом недели – пятница;
софистикой – миссионерство.
Сплетутся, перемешаются
цепочки причин и следствий.
И снег никогда не растает сам,
но станут сильнее лезвий
твои непослушные волосы.
Хотя, все равно не остаться
(пусть даже без права голоса),
в стране, где всегда семнадцать.

«Подошла неожиданно с тыла...»

Подошла неожиданно с тыла,
прошептала на ухо мне:
«Вот и встретились. Здравствуй, милый,
Наконец-то нашла... по весне.
Я искала тебя по миру:
в поездах, в самолетах, в метро,
в переулках и в съемных квартирах,
на больших перекрестках дорог.
Ты всегда был неуловимый.
Я всегда отставала на шаг,
но судьба неизбежна, любимый.
Что ж ты бегал так долго, дурак?»
Обернулся я к ней удивленно
и спросил ее: «Кто ты, ответь?»
А она обняла утомленно
и ответила: «Я твоя Смерть.»

В. Н.

Посещать нужно те места,
где нет ровных прямых дорог,
где кулик не найдет шеста,
где закон – не всегда острог.
Говорить нужно только суть.
Обнимать – словно ждет война.
Быть подвижной – живой, как ртуть.
Отдавать все долги сполна.
Никогда не смотреть назад,
не парить в облаках мечты.
И в системе координат
устояться – любить простых.
Не указывать верный путь.
Никогда не рубить с плеча.
И в итоге, когда-нибудь
твой корабль найдёт причал.

«Пишет письма из многоточий...»

Пишет письма из многоточий:
Ненавижу тебя... и скучаю...
Ты единственный был, но впрочем,
это мало что означает...
У меня никаких иллюзий...
никаких – может быть, завтра...
Значит, ходики тянет грузик...
Каждый день – «Тошнота» Сартра.
Все усилилось, стало резким...
Мысли – рота солдат на марше.
В сердце крюк рыболовный. Леской
чувства путаются... Что дальше?
Я не бросила холст и кисти...
Я рисую, но что толку?..
Все картины – глаза лисьи
и ухмылка серого волка...
Снится, как ты приходишь хмурый...
Я босая тебя встречаю...
Вся, как есть, безнадежная дура...
Ненавижу тебя... и прощаю...

«Дорисуешь в альбом скетч...»

Дорисуешь в альбом скетч,
я допью наконец скотч,
чтобы рядом с тобой лечь
и с рассветом начать ночь.
Мы лежим, не идет сон.
Слишком много вокруг стен,
и они издают звон —
тихий отзвук чужих сцен,
отголоски чужих драм.
Так, наверное, пал Рим.
Так, наверное, сжег храм
Герострат. И календари
не поведают кто спасен.
Не имеет смысла смотреть.
Под глухой колокольный стон,
к нам в квартиру войдет смерть.

«Пришел и сказал: «Возьми...»

Пришел и сказал: «Возьми,
вот сердце в ладони, Ольга.
Я ждал от восьми до восьми,
но не пожалел нисколько.
Я, как часовой на посту,
которого все забыли.
Я – старый разбитый стул,
сколочен из грязи и пыли.
Я – лодка с пробитым дном,
останусь на вечном приколе.
Я – тысяча дел «на потом».
Я – летнее солнце в школе.
Но сердце дарю. Бери
и делай, что хочешь, Ольга.
Оно может путать ритм,
но не соврет. Нисколько.

«То ли жара...»

То ли жара
 днем,
то ли ледник чувств,
Люди войдут
 в дом
и позвонят врачу.
Надо помочь,
 Док.
Парень сошёл с ума —
после обеда
 лег,
пробормотав: «Зима
скоро придет,
 с ней
ввалится в город Тьма,
пьяный солдат
 Снег
будет за ней хромать;
чтобы забрать
 свет,
чтобы разбить сердца.
Шансов почти
 нет —
это начало конца.»
Врач отвечал
 им:
«Я не смогу помочь.
Я же мертвец
 внутри
вижу во всем ночь.
Если у вас
 есть
чувства живых людей,
Что вы забыли
 здесь,
в городе мертвых дней?»

«Двери открыты, но нет никого, кто придет...»

Двери открыты, но нет никого, кто придет.
Нет ничего, что могло бы спасти этот вечер.
Жизнь предьявляет с презрением гамбургский счет —
список на мятой салфетке; и он бесконечен.
В нем затерялось так много хороших имен,
тех, что приходят на ум по ночам и по пьяни.
тех, кто в финале, наверное, будет спасен,
тех, кто достоин судить, но, в итоге, не станет.
Здесь, у окна, мы сидим и негромко поем,
и с хрипотцой подбираем тяжелые ноты
песни, которую нужно петь только вдвоем,
с гордостью стоя на самом краю эшафота.

«Тоска по счастью навалилась в темноте...»

Тоска по счастью навалилась в темноте
под мерный стук купейного вагона,
когда он слушал ритм замороженно
и вспоминал, как водится, не тех.
Девчонку с выпускного – каблуки,
испачканные грязью, пьяный шёпот,
глаза безумные и первый взрослый опыт
у мелкой заболоченной реки.
Он вспомнил ту, которая всегда
гнала его, увидев у порога;
Сломавшую судьбу и веру в бога;
И ту, что собирала чемодан.
Не вспомнил только ту, что до утра
волнуется бессонно на девятом,
которой хватит полуслова, полувзгляда,
чтобы пойти за ним, не думая, на край.
А он лежал и думал: «Как же так?
Мы вспоминаем тех, кто недоступен
и любим равнодушных. В этом клубе
бывали все – простой жестокий факт.»

«Параллельным прямым на плоскости...»

Параллельным прямым на плоскости
пересечься нельзя – аксиома.
Но тебя не волнуют тонкости
геометрии. По-любому
мы сойдемся в пространстве и времени.
В перспективе, но не в бесконечности.
И останется пульсом в темени
ощущение безупречности.

Если верить слепой математике,
мы с тобою почти безнадежны.
Ну а если откинуть прагматику, —
все случается. Все возможно.

«Я выдумал небо...»

Я выдумал небо.
Я выдумал нам облака.
Ложись со мной рядом в траву
И бери мою руку.
Мы будем лежать
И мечтать,
Составлять из них пары, пока
Вокруг не погаснут огни,
Не затихнут все звуки.
Я выдумал звезды.
Я выдумал даже луну.
Полезли на крышу
Оттуда их видно получше.
Я должен тебе показать непременно
Одну,
Которую выдумал первой.
Садись и послушай.
Здесь май зазвучал так похоже
На южную ночь.
Сирень зацвела в удивлении,
В воздухе – лето.
Мы вместе придумаем мир,
Ты мне сможешь помочь.
Осталась лишь пара мазков
золотистого цвета.

«Вокруг темнели и поблёскивали лужи...»

Вокруг темнели и поблёскивали лужи,
сгущалась майская безветренная ночь.
Казалось, Питер был насквозь простужен,
себе позволив ненадолго занемочь.
Они спешили, но Нева лизала ноги
и умоляла их не уходить,
как будто в темноте стояли боги.
Литейный мост готов был дать кредит —
не разводиться свои бетонные пролеты
и подарить ещё хотя бы пять минут
влюбленным. Ведь, у них свои заботы —
успеть сказать о главном. Подождут
таксисты, реки, графики развонок.
Весь мир замрет, чтоб он ей прошептал:
«Послушай, я потратил годы,
чтобы найти тебя, и все же отыскал.»

«Говорит человек без имени...»

Говорит человек без имени:

«Прекрати вспоминать о прошлом.
Распрощайся с ночами синими,
сконцентрируйся на хорошем.»

Говорит человек без прошлого:

«Все проходит, и это истина.
В зеркалах не осталось пошлого.
Зафиксируй. И лучше письменно.»

Говорит человек из зеркала:

«Я такой же как ты – потерянный.
Так же душу любовь коверкала,
но мы справимся – это проверено.»

«Расскажи мне о том, что точно...»

Расскажи мне о том, что точно
не случится. Хотя могло бы...
Про мосты и про ветер восточный,
про любовь, как в кино, до гроба.
Про звонки, смски, свидания,
про такси, где на заднем тесно.
Про постели и завтраки ранние,
на югах в номерах двухместных.
Расскажи мне о том, как страшно
понимать, что счастливей не стали.
Только это теперь неважно...
Я молчу, а во рту привкус стали.

«Смеркалось. Загорались фонари...»

Смеркалось. Загорались фонари
на темных и неубранных аллеях.
Кричали птицы, словно бунтари,
на митинге в честь нового апреля.
Я шел домой. Кружилась голова
от воздуха прогретого на солнце.
И появлялись мысли и слова
размеренно, как будто марафонцы.
И мне открылась суть простых вещей,
я стал на йоту ближе к дзен-буддизму,
поняв бесценность тысячи ночей,
в которых не было пустого пессимизма.

Если бы Бродский сидел на диете во время написания «Не выходи из комнаты»

Не заходи на кухню, не совершай ошибку.
Точно захочешь съесть, к примеру, красную рыбку.
Там будет опасно все, в частности, холодильник.
Лучше ложись и спи, пока не поднимет будильник.

О, не заходи на кухню, остановись в коридоре.
Помни о том, что в торте много килокалорий
и разных глютенных прочих. А если зайдет худая
с вилкой, пирог предлагая, выгони, проклиная.

Не заходи на кухню, считай, что ты на диете
и откажись от картошки даже под страхом смерти
Зачем наедаться на ночь со взглядом осоловевшим,
если проснешься голодным, тем более – располневшим?

О, не заходи на кухню. Качай лучше пресс усердно
в старых затертых трениках, считая подходы нервно.
В прихожей пахнет блинами и медом гречишным,
Ты съел уже семь сосисок; еще одна будет лишней.

Не заходи на кухню. О, пускай только кухня
будет терра инкогнита. И если вокруг мир рухнет,
ты должен остаться сильным. Особенно, поздним вечером
Не заходи на кухню! Обжорство тебе обеспечено.

Не будь толстяком! Будь молодым и подтянутым
Не заходи на кухню! Не дай себе быть обманутым:
Ведь даже кусочек маленький станет заразой вируса.
Не выходи из комнаты, запишись и забаррикадируйся.

«Когда закончил бесноваться день...»

Когда закончил бесноваться день,
он сел на кухне подсчитать убытки,
перечитать послание с открытки:
«У нас тепло и скоро зацветет сирень.»
Когда на стрелках было двадцать три,
он закурил на узеньком балконе,
дымя в лицо луне на небосклоне,
с которой не хотелось говорить.
Он раздувал неяркий уголёк
с необъяснимой ненавистью к миру
и прожигал в цветной открытке дыры.
Ведь больше сделать ничего не мог.

«В голове бардак, но вокруг не чище...»

В голове бардак, но вокруг не чище.
Не звонит никто, и никто не ищет.
За окном скандалит, взывая, ветер;
и слова в стихи, словно рыбы в сети,
попадают глупо и без надежды
на другой исход. У моей одежды
неказистый вид – я не жду знакомых.
Провожу один выходные дома.
Не пойду в кино, не отправлюсь в гости,
не напьюсь на Невском со странной злостью.
Проведу два дня в тишине с собою.
Я хочу молчания
и покоя.

«Мы гадаем на спичках кому сторожить темноту...»

Мы гадаем на спичках кому сторожить темноту.
Обнимая цевье, караулить чужие шаги,
настороженно слушать любой неопознанный стук,
охраняя ее до утра, не пуская других.

Мы целуемся в тесных подъездах. Всегда на посту
рядовые солдаты, которым не нужно наград.
Полевые цветы, что под сердцем упорно растут,
разбивают чернеющий снегом безрадостный март.

И пускай мы не значимся в списках героев войны —
не попали в историю. Нас не запомнят в годах.
Но встречают рассветы с победой, без чувства вины,
партизаны Любви в беспощадных больших городах.

«Растерянный, разбитый и больной...»

Растерянный, разбитый и больной.
Теряю направление, ориентир
под стук колес, растоптанный весной
в дешевых декорациях квартир.
Толпа куда-то тащит и несет —
то вверх, то вниз, то запихнет в вагон.
Она безлика, не берет в расчет,
что кто-то в ней раздавлен, утомлен
и начал пить практически с утра
в парадных и в неряшливых бистро.
Сержант, я без прописки и не прав,
но можно просто выйду из метро?

Портрет провинции

Я родился в забытом городе,
где три четверти года зима.
Алкоголь не спасенье от холода,
здесь непьющие сходят с ума
от безденежной грязной серости,
от разбитых годами дорог.
Разве примешь такое в трезвости?
Вот поэтому мало кто смог.

Здесь живут, а точнее, выживают
в монотонной петле. День сурка.
Выбор легкий: тоска бытовая
или тремор с похмелья в руках.
И поэтому дети стремятся
по столицам как выдастся шанс,
чтоб забыть неумелые танцы
под хрипящий в сабвуфере бас.
А иначе не будет просвета,
здесь расписана жизнь наперед:
всех оставшихся хмурое гетто
незаметно и тихо сожрет.

«Это имя тебе идёт...»

Это имя тебе идёт.
Это платье тебе подходит.
Улыбаясь, ты плавишь лед,
все мужчины вокруг на взводе.
Говоришь – и почти поешь.
Смех – арпеджио в ля-бемоле.
За тебя здесь готов под нож
каждый первый – лишаешь воли.
Он придет, может быть, весной.
Поприветствует тихо: «Здравствуй.
Ты должна быть теперь со мной.»
А в ответ: «Разделяй и Властвуй.»
Крепость пала без боя. Ключи
передашь в темноте, у заставы,
без каких-то других причин
кроме той, что он здесь по праву.

«Машины в пробке жмутся в правый ряд...»

Машины в пробке жмутся в правый ряд.
И это знак, хотя, не очень ясный,
но ты со мной практически согласна,
что стоп-сигналы явно говорят:
без боя город сдался в снежный плен.
Теперь стоим, и двинемся нескоро.
Проводим время в тихих разговорах
о том, как нам везет – ведь мы в тепле.
Внезапно спросишь: «Помнишь? Август, ночь.
Мы пьем вино, накинув плед на плечи...
Все впереди, вторая наша встреча.
Ты улыбался, как сейчас. Точь-в-точь.»
Я помню все. До слов, до запятых...
Обняв тебя, вдруг четко понимаю:
к чертям все планы, я готов до мая
остаться в пробке, если рядом ты.

«Все, что сказано в страсти, – дели на два...»

Все, что сказано в страсти, – дели на два;
будут силы – дели на четыре.
Если утром, с похмелья, болит голова,
значит пьешь в неудачной квартире.
В кабинеты чинов и начальства входи
так, как будто имеешь право.
Нужно помнить, что даже большие вожди
точно так же боятся костлявой.
Каждый день выбирай только новый маршрут.
Не ходи по чужому следу.
И успеха добьешься (тут книги не врут),
если искренне веришь в победу.

«Я надену пальто и выйду...»

Я надену пальто и выйду
освежить свои душные мысли,
посмотреть на столичные виды,
подышать дымным воздухом кислым.
Выходи мне навстречу в черном
с ярко-желтым простым букетом.
Выходи, посылая к черту,
все вопросы свои и ответы.
Я увижу тебя и тут же,
повинуясь тревожному знаку,
по холодным и грязным лужам
рядом молча пойду во мраке.
Вскоре кинешь цветы в канаву.
Подниму и подам. Не примешь.
Ты возьмешь меня под руку справа
и уже никогда не покинешь.

«Одиночество соткано из мелочей...»

Одиночество соткано из мелочей,
и всегда их набор одинаковый.
Супермаркет. Мужчина у кассы – ничей;
все ответы кивками и знаками.
Или женщина в парке гуляет – ничья;
тонкой ниточкой губы сжатые.
Кормит хлебными крошками птиц у ручья
и о чем-то молчит с пернатыми.
Я встречал самых разных: усталых, больных,
с напускной и лихой веселостью,
безразличных, отчаянно ждущих весны,
обсуждающих глупые новости.
Одиночек сдает небольшая деталь —
либо в мимике, либо в движениях.
Узнаю их везде, разделяя печаль,
словно вижу свое отражение.

«Все, что помнится Маше из детства, ...»

Все, что помнится Маше из детства, —
темнота в неудобной спальне,
пес облезлый, что выл по соседству,
и отец, постоянно пьяненький.

В младшей школе – картины мрачные:
«обученье искусству быть смирным».
Стопки прописей, числа двузначные
оплетали ее рекурсивно.

В старшей школе – главные опыты:
ощущения юной женщины,
опасения, страхи, хлопоты,
первый парень с руками военщины.

Институт не принес что-то новое.
То же самое, чаще и больше.
Опыт множился, стал основой,
как росток, сквозь асфальт проросший.

Время шло. И циничней, и старше
та, что бегала в бантиках в «сталинке».
Но осталась все той же Машей,
ненавидящей тьму в узкой спальне.

«Говорить бы с тобой о любви...»

Говорить бы с тобой о любви
на почти безупречном французском
в полутемном кафе. Vis-à-vis.
В воскресенье, за столиком узким,
ощущая всем телом, момент
единения с шумным Парижем.
Чтобы ты мне шептала «je t'aime»,
становясь в откровенности ближе.

Но столкнулись случайно в толпе,
в переходе метро, на Гостинке,
и расстались, продолжив свой бег
по известным до боли тропинкам.

«Появляясь из темноты...»

Появляясь из темноты,
 корабли возвращались домой.
Их не ждали.
 И только ты
 разрезал маяком прибой.
Ты надеялся десять лет,
что вернутся в свой порт моряки.
У тебя был один ответ:
«Нужно верить в себя и в других.
И в молитвах просить за тех,
 кто ушел.
 Заклинать помочь.
Зажигая огни в черноте,
 освещать силой веры ночь.»

Кораблям остается чуть-чуть,
Успокоится тот, кто ждал.
Трапы спустятся. Долгий путь
завершится. Земля. Причал.

«Забери меня отсюда...»

Забери меня отсюда.
Просто забери.
Липкий быт с горой посуды
выел изнутри.
Здесь уныло и квадратно.
Вечно грязный снег
удаляет безвозвратно
мысли о весне.
Здесь молчат без остановки
или чуда ждут,
обсуждая заголовки
с курсами валют.
Здесь отравлен даже воздух.
Тишина, как шум.
Может быть, еще не поздно.
Забери. Прошу.

«Я входил в квартиры незванным гостем...»

Я входил в квартиры незванным гостем
и всегда садился лицом ко входу.
Наблюдал, как спирт на десятом тосте
прекращал пьянить, превращаясь в воду.
Я встречал людей безупречных внешне,
но насквозь прогнивших от влажных сплетен.
Я встречал святых и пропащих грешниц.
И вторые больше знают о свете.
Мне казалось, что возраст приносит мудрость.
Но по факту – все те же смешные мысли;
лишь асфальт под ногами истерся в пудру
и на таймере жизни другие числа.

«Новый Год – необычный праздник...»

Новый Год – необычный праздник,
словно пазл обещаний разных.
Каждый третий подвержен мании
всех друзей уверять заранее:
«Стану с первого лучше и выше,
Буду бегать и встану на лыжи...»
В голосах нет ни ноты фальши:
«Надо было меняться раньше!»
Но второго уходят надежды:
«Everything in It's Right Place».
Как прежде.
Много пьют, не сидят на диетах,
так же курят с утра раздетые
на балконах большого города
в ожидании Нового Года.

Предновогодний разговор.

- Почему же тебе не спится?
- Слишком много пустых забот.
В голове диаграммы, таблицы,
и никак не кончается год.
- Подожди, остается немного.
Два прыжка – и наступит январь.
Он с вещами стоит у порога,
с нетерпением глядит в календарь.
Значит скоро зажгутся гирлянды,
будет время бенгальских свечей.
И наступит год... Яшмовой панды?..
Не знаток я подобных вещей...
- Засмеявшись, прошепчешь: Собаки.
- Да хоть белки, чуть-чуть потерпи.
- Обещаешь, что это не враки?
- Обещаю любимая, спи.

«Стартуют сезоны скидок...»

Стартуют сезоны скидок:
товары уже на полках.
А я с отрешенным видом
сiju – наряжаю ёлку.

За стенкой скандал и ругань.
Соседи грызутся, как волки, —
они разлюбили друг друга.
А я наряжаю ёлку.

Игрушка упала с ветки.
Вздыхая, сметаю осколки —
она была старой и редкой...
И вновь наряжаю ёлку.

Зима сбила все ориентиры.
Есть компас в руке, но что толку?
Поэтому в старой квартире
сiju – наряжаю ёлку.

«Невозможность того, что случилось вчера...»

Невозможность того, что случилось вчера,
объясняется рядом вещей:
мы сумели увидеть пределы добра;
мир – сложнее, чем камень в праще.
И, возможно, он даже не стоит тех жертв,
что покорно кладем на алтарь.
Так не плачь обо мне на шестом этаже,
если осень зажжет свой фонарь.
Но такие серьезные лица в метро,
словно каждый здесь чувствует боль.
В крепко сжатых губах ты читаешь: «Не тронь!»
и мне кажется, в этом вся соль.
Я бы мог их учить улыбаться весне,
но утратил давно этот скилл.
Если время пришло, то не плачь обо мне —
я был счастлив и даже любил.

«Это было хорошее время...»

Это было хорошее время.
Время дерзких и честных поступков.
Мы дружили совсем не с теми —
так считали родители. В сутках
не хватало часов. Мы были,
как волчата, что в стае злее.
Помню, мама сказала: «Приплыли.
Сын-шпана.» И осела, белея.
Мы любили дурацкие песни,
лишь бы только не нравились папам.
Короли неопрятных лестниц
пили дрянь из горла и залпом.
Нам казалось, мы знаем больше.
Мы кричали об этом, пели.
Только время работает тоньше —
бунтари, как один, повзрослели.
Вот и смотрим на новое племя
непокорных, как в темные воды,
вспоминая прекрасное время.
Время искренних слов и свободы.

«В сером городе жил человек...»

В сером городе жил человек,
был таким же, как город, – серым.
И смотрел из под серых век
серым взглядом. Во всем знал меру.
Он работал на серых людей
за зарплату, конечно, серую.
Был поклонником серых идей
и гордился своей серой верой.
И с женой серой мышью растил
очень серых, спокойных детишек.
Не стремился, не тратил сил,
не пытался подняться чуть выше.
Не был против и не был за —
встретил старость в сером костюме.
И однажды, закрыв глаза,
незаметно и серо умер.

«Я обещаю ничего не обещать...»

Я обещаю ничего не обещать,
не рассуждать, как сноб, о джазе и о книгах.
Давай сегодня просто танцевать.
Давай оставим легкую интригу.
Не говори, как много шансов у меня.
Пусть ведет нас вечер в неизвестность.
В молчаньи можно многое понять,
ведь в нем присутствует особенная честность.
А сложится ли магия? Плевать.
Об этом думать – получить похмелье.
Давай сегодня просто танцевать?
А флирт не будем делать самоцелью.

«Вот вам картина мира...»

Вот вам картина мира
из краткосрочных встреч
в съемных чужих квартирах;
из обнаженных плеч;
из разговоров тайных
в ванной под шум воды;
из смс «случайных»;
из ожиданий среды.
Вот вам вся жизнь украдкой.
Вот – добровольный плен.
Мутное счастье с осадком
в грязных бокалах измен.
Кто-то грешит на нравы,
кто-то готов судить.
Только вот кто дал право
нам за любовь клеймить?
Тяжесть у них иная,
гложет своя печаль.
Мы их совсем не знаем,
чтобы рубить с плеча.

«Бесперебойно газеты пишут...»

Бесперебойно газеты пишут
о том, что здесь никому неважно.
Я запускаю с высокой крыши
своей мечты самолет бумажный.
Лети отсюда, лети чуть дальше.
Пари над городом белой птицей.
Лети от зависти, злобы, фальши.
И я желаю тебе не сбиться
с пути, который рукой намечен,
достигнуть моря, упасть на пляже
и ждать в песке нашей верной встречи.
Ведь я приду, если карта ляжет.

«Ветер, словно для инстаграма...»

Ветер, словно для инстаграма,
крутит в воздухе снежную взвесь.
«Да, все верно. Во двор и прямо
до угла. Тормозните здесь.»
Расплатившись, на миг замираю
перед тем, как шагнуть в метель.
Выдыхая, иду. Набираю.
Домофон выдает свою трель.
Жду ответа. Вернулся из Трои
Одиссей, путь войны позади.
И надеюсь, что ты мне откроешь:
«Ну, привет. Я ждала. Проходи.»

«Яркий свет фонаря в лицо...»

Яркий свет фонаря в лицо.
Словно длится немой допрос,
что закончится злым свинцом,
а потом повезут на мост.
И опустят в мешке в Неву,
отгоняя бродячих псов.
А мешок разойдется по шву,
и блеснет циферблат часов.
Конвоир поглядит с тоской:
«Жаль не взял, хороши часы.»
И поедет во тьме домой.
Дома ждут и жена, и сын.
Он напьется и будет кричать,
будет в грязной тельняшке петь.
И по стенам начнет стучать,
причитая, что сеет смерть.

Это все я придумал здесь —
в темноте, где фонарь в лицо.
Встал. Прошелся, чтоб снова сесть,
зябко кутаясь в пальтецо.

«Когда он упал на гранит мостовой ...»

Когда он упал на гранит мостовой —
не началась суматоха.
Лишь женщина, тронув с опаской рукой,
спросила: «Мужчина, вам плохо?»
Он даже пытался ей что-то сказать,
но все не справлялся с губами,
лишь тихо стонал, закрывая глаза,
скрипел еле слышно зубами.
Прохожий подбросил ответ на вопрос:
«Не видите? Он же синий...»
Брезгливо наморщив напудренный нос,
ускорила девушка в мини...
Когда истерично позвали врача:
«Скорее, сердечный приступ!»
Он не замечал как истошно кричат
безликие люди-статисты.
Не слышал сирены, не видел огней
тревожного синего цвета.
Он видел большую луну, а на ней
дверь в самое долгое лето.

«Плеер крутит всего лишь два трека...»

Плеер крутит всего лишь два трека.
Только Fink и Alt-J на повторе.
Называйте меня человеком
с настроением в черном миноре.
На скамейке в осеннем парке,
размышляя о том, что было,
выгребая все траблы, запарки
из золы, что ещё не остыла.
Прихожу к удивительной мысли —
ключевым был тот сумрачный вечер
В дате прочерк. Я путаюсь в числах.
Помню только озябшие плечи.
Помню только «мы разные люди».
Помню конверсы красного цвета.
И вороны смотрели, как судьи.
Кстати, было, мне кажется, лето...
И вот здесь ключевая развилка,
поворот не туда. Ad Notam,
полюбил бесконечность бутылки
и описывать мир в резких нотах.
А ведь мог же совсем иначе.
Мог сойтись с продавщицей «Магнита».
На кредитной машине на дачу
(пусть не новой, слегка побитой),
но зато с ощущением счастья
бесконечно прямого. Простого.
И уж если грустить о ненастье,
то в контексте: «Цветёт хреново
в этом году клубника, Оля.»
А она невпопад отвечает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.